

***

Грешу тобой, а не с тобой -
По всем законам несближений!
Собор Василия блаженной
Желаний женщины любой.
Но ты ведёшь меня тайком
До церкви, храма, до часовен.
Я ветром нежности просолен,
От бурь отвернут маяком.
Не ты маяк, но ты моя!
Слепые бредят маяками!
Иду в пивную с мужиками,
А ты, как беглая швея,
Плетёшь на ткацком феврале
Веретенном мужицких спален.
Я первобытен, я наскален,
Не маг, не Мао. Маугли.
Но что тебе до наших вер,
До наших верб нераспушённых,
Когда почуял воскрешённым

Себя гуляющий Агасфер?
Я вскормлен джунглями под бит
Босых битлов и Чака Берри
В чужом тебе СССРе,
Чей герб на гордости набит.
Стихи - как пара голубей
У Белорусского вокзала.
Зачем ты мне весну сказала?
Не верю ей, не верю ей

***

По Нотр-Даму де Пари
Гуляли Жаки и Мари
И даже наши гопари –
Интеллигенты.
А в русском доме на дверях
Висели Яхве и Аллах.
И дом не ладаном пропах –
Бухлом из «Ленты».

«Люблю» приравнено к рублю!
Ещё немного потерплю
И сам отседова свалю!» –
Кричал мне кореш.
Но водка заходила нам,
И пили мы за Нотр-Дам.
А ведь красивый, сука, храм,
Тут не поспоришь.

Но только веру ты не тронь!
А лучше пей да не филонь.
Бери шинель, бери гармонь,
Товарищ Лето.
Наполеонов больше нет,
А Жозефин простыл и след.

Гори же, чёртов Старый Свет,
Во имя света!

Париж, Париж, неловкий мим,
Я стану варваром твоим.
А этот грешный Нотр-Дым –
Обман всего лишь.
В соплях все бабы на земле –
В огне идёт парад-алле.
И, лёжа рожей на столе,
Храпит мой кореш.

Храпи, хороший человек.
Там за окном весёлый снег
Тверскую тащит на ночлег
В свою берлогу.
Мы не уедем никуда,
Виктор Гюго, смотри сюда:
Мы голь, мы скифы, мы Орда!
И слава Богу

***

Замешан снег в тоске. Мы тёзки,
И нам обоим снятся сани.
Плевал Есенин на берёзки,
В печаль петли себя бросая.

Но был спасён. А в новой жизни
Уже играло солнце снегом.
И говорил Сергей:» Кажись, мне
Не совладать с декабрьским небом».

Теперь его читает ветер,
А мы в январь с тобой отчалили.
Замолви строчку о поэте,
И жизнь ему продли нечаянно.

Иначе все мы – одиночки,
Ловцы каких-то слов журнальных.
Зима на смерти ставит прочерки.
Зима, зима, ты мне жена ли?

Давай с тобою повенчаемся
И уплывём на берег северный,
Где выпьем, вздрогнем и отчаемся –
В России помнят лишь Есенина.

А мы скитаемся по улице
И снежную глотаем пыль её.
Зима, какая же ты умница,
Что не взяла мою фамилию

***

Поэты ищут лёгкой славы,
А слово их переживёт.
В одном Минздравы были правы:
Сберёг бы Пушкин свой живот –
Стал копирайтером бы нынче,
А не вот это «наше всё».
Ну а тебя, мой автор нищий,
Куда поэзия несёт?
К баблу не выведет дорога –
Стишки на то и для души.
А рифмачей в народе много:
Пиши, выкладывай, пиши.
Солдат инета неизвестный,
Моря и без тебя горят.
И ведь по делу, если честно,
Тебе на пьянках говорят:
«Иди, трудись, писатель херов,
А не страдай душонкой тут!».
Официантов и курьеров
Даёт стране литинститут.

Не потому, что все бездарны,
А просто-напросто – на кой?
Ведь Ес Астахов, моргерштарны –
Вполне себе культурный слой.
А скучно без имён великих —
Так получите век безликих.
Великих надобно беречь,
А это ж труд – о том и речь.
Вы безымянные, вы – некто,
Никто вы, тени тишины.
Не имена нужны — проекты!
Коллаборации нужны.
Ты, Пастернак, здесь не советуй,
Рубцов, не пой ты на беду –
Не со стихами, а со сметой
Приходят к страшному суду.
А если не зашло и это,
Хотя бы радуйся, что цел,
Что нет ни членского билета,
Ни юбилея в ЦДЛ.
Да только пахнет керосином,
И книги все уже в дыму.
Виват, умытая Россия!
Тебя умыли те, кому
Культура сделалась игрушкой,
Её пустует пьедестал.
Как хорошо закончил Пушкин
И копирайтером не стал.